

ПЕРЕД сдачей зачета возникало отчаяние. Выучить-то выучишь что угодно... А вот где взять конспект, без которого, как сообщает приколота гнутыми кнопками к двери кафедры записка, «зачет **принимается** не будет»? Уже тогда, в эпоху, предшествовавшую нынешнему полному и окончательному разрушению русского языка, мягкий знак в инфинитиве и его отсутствие в определенной форме глагола были чужды и непостижимы для советской интеллигенции. Уже тогда чудесный писатель в «Литературной газете» в остроумной и тонкой статье написал «пошить сорочку» вместо «сшить рубашку», вызвав, помню, у меня ощущение почти физической боли — ведь стилист же, действительно же стилист!.. Кажется, там же было и «отпарировать» в смысле «парировать». И «намерить» вместо «примерить» — или это было у поэта и чуть позже... Во всяком случае, процесс, пошедший уже тогда, сегодня довел до того, что талантливый и высокообразованный юный философ-бунтарь, клеймя марксистов, пишет, что они **одевали** очки и галстуки. О-хо-хо...

Словом, конспект писался за день и часть ночи — сразу. Переписывал его у одного малого, поступившего в университет после армии, — эти относились к учебе истоно.

Мой конспект всегда оказывался лучше оригинала. Он был точно поделен на части, в нем не было лишних слов, а главные подчеркнуты, в нем просматривалась логика...

По той же причине мемуары выглядят обычно куда лучше дневников. Жизнь, прожитая автобом, предстает осмысленной, целесообразной, исполненной по принципам и соответствующей правилам, продекларированным пишущим. Забытые фамилии, цены на хлеб и сахар, сокращенные до инициалов имена случайных дам, бестолково длинные описания незначительных вечеринок, мнения об ушедших всем тиражом в макулатуру книгах, сетования на болезни, уж давно завершившиеся естественным путем, — всего этого дневникового мусора мемуары лишены.

Вероятно, поэтому им и не особенно доверяют.

Но мысли по поводу последних месяцев жизни нельзя все же назвать мемуарами. Это, скорее, конспект дневника, написанный задним числом.

САМЫМ вредным и опасным состоянием для нас оказалось состояние свободы.

Прежде всего, мы ее не признали — не в смысле признания как оценки достояния, а как не признает в лицо сын подростки порядочно отсидевшую мать. Эта низкорослая, в закрученных винтом вокруг тонких икру бумажных чулках, в телогрейке, много курящая, сероволосая, поминная вертухаев, сук и коблов, с дыханием, отдающим сырым мясом, с навеки черными, в трещинах ногтями — она, что ли, родила отличника, антивиста научного общества, автора курсовой, тянущей на диплом, факультетского комсорга с безукоризненным английским? Здравствуйте... Конечно, мама, будем на ты...

Свобода, естественно, оказалась свободой умереть с голоду, как и предупреждал нас в «Правде» Юрий Жуков, хорошо знавший звериный лик капитализма, скрытый за блестящим фасадом. Единственно в чем стоит упрекнуть партийных пропагандистов — зря они упоминали все вместе. Надо было постоянно твердить, что звериный фасад — то есть пособия по безработице, превосходящие советскую профессорскую зарплату и трупобы много комфортабельнее нашей «улучшенной планировки» — появился со-

всем недавно. Впрочем, все равно бы не поверили — кто им верил-то, «сапогам» и цэковской номенклатуре...

Мы сами все знали.

Теперь тоже все знаем. Очень расстроившись, клянem сущее по-разному: кому слишком мало частной собственности, кому слишком много евреев, все вместе страдаем от гибели культуры и роста преступности, от унижения национального достоинства и страха тотальной гражданской войны.

А по-моему — совести у нас нет.

Живем мы сейчас в самой свободной стране мира. И даже доказывать это скучно, потому что доказываются это каждый день и во всех сферах. Свобода слова? Ну, не знаю, какие еще слова у нас несвободны, знаю только, что понятие «непарламентское выражение» уже звучит как хорошая шутка. Свобода печати? Да посмотрите же у

президента по матушке, другие — вице-президента предателем, одни — советников сионистами, другие — спикера чеченом злым, одни великую Россию норовят обустроить снова на костях и депортациях, другие великие потрясения планируют по-научному — и все вслух, публично, и с трибуны, и с зарубежных кафедр, и по московскому каналу, и по мюнхенскому, и за рубли, и за настоящие деньги, — а все недозволены? Какого ж вам, товарищи интеллигенты и господа интеллектуалы, рожна еще надо?

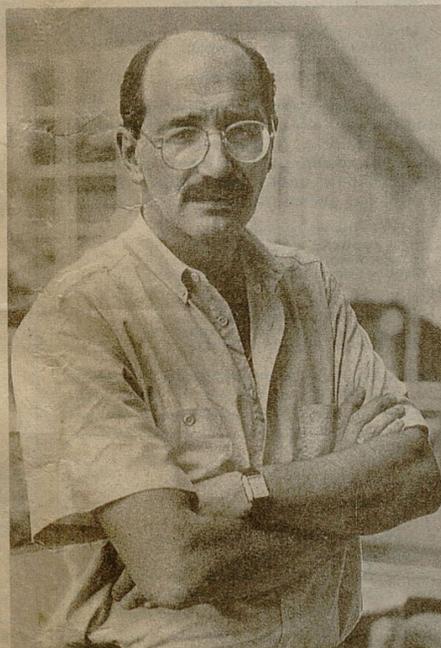
Народ, отвечают, жалко, мол.

ПОЖАЛЕЛ волк кобылу... Однажды уже пожалели такие, и создали рабочие кружки, и пошли в массы, и облаготетельствовали. И снова неметает. Мы за народ! А кто — мы-то? Вот, допустим, этот: член КПСС с 1956-го (XX съезд),

Александр КАБАКОВ

Что делать тем, кто виноват

Конспект дневника

Самым вредным и опасным состоянием для нас оказалось состояние свободы

метро! А что газетам денег не хватает, так при чем здесь свобода? Свобода, ребята, — это свобода умереть с голоду, не забывайте. Свобода собраний? Собирайтесь на здоровье. С любой целью. Можно, например, собраться на центральную улицу столицы под лозунгом «Президент — иуда», миллионеров побить... Пожалуйста! Свобода политических партий? Ради Бога! А что, коммунисты — не люди? Это там их считали до поры до времени угрозой свободе, вместе с фашистами и прочими моноцветными, и запрещали, и от государственной службы отлучали, а у нас нельзя. У нас свобода такая, что ей ничего не угрожает. Свобода предпринимательства? Да остерегитесь вы начальнику районному хотя бы тысячу зеленых и предпринимайте, что Бог на душу положит. Можно, к примеру, фаллосами пластиковыми на улице торговать, в витринах их выставить, а можно — ну, пять тысяч дайте! — и заводик какой-никакой приватизировать. Или телецентр. Выстроенный на проклятые партийные деньги, отобранные бесстыжими большевиками у народа многострадально-

исключен в 1968-м (Чехословакия), эмигрировал в 1972-м (большой выезд), восстановлен в гражданстве в 1991-м (после августа), перешел в ряды националистической оппозиции, поверил в социализм (в 1992-м — потому что катастрофически упали тиражи на Западе)... Он кто? Народ? Лучшая этого несчастного народа часть, или худшая, или плоть от плоти? Мы за народ... В моем детстве так играли в войну: я буду за наших, а ты — за немцев... нет, я тоже за наших!..

Комплекс российского интеллигента, как всякий комплекс, состоит почти поровну из неполноценности и превосходства. Логика — как у всякого замкнутослованного — страннейшая: род есть мерило и цель всего, народ всегда прав и даже свят, а наш брат ему только обуза и должен эту свою мерзость искупить, то есть (поворот все вдруг!): мы соль, боль и гений народа — читай, ум, честь и совесть эпохи, мы обязаны этому малограмотному, тупому и неповоротливому народу немедленно засветить путеводную звезду. Создать партию нового типа, вооружить всеисильным и погумным учением, указать на ужасное народное положение и обличить власть, перед народом виноватую.

И народ, просвещенный нами, пойдет к великой цели: частично в зону, частично на вышки вокруг зоны. Приемно поровну.

Как поется в современной песне:

«Ох, ох, ох, что ж я маленьким не содох!..»

Между тем, образ жизни «Соли Земли Русской» как отличался от образа жизни прочего населения этой земли, так и отличается. Как составилась при советской власти список приглашаемых на День Благодарения, День Рождения Ее Величества Королевы, День Взятия Бастилии и День Приезда Нового Посла — так он и есть, только пополнялся по мере освобождения звезд диссидентства из лагеря в Потьме, психушки под Днепрпетровском и Чистопольской тюрьмы, а также по мере выхода новых номеров литературных журналов. Пополнялся, кстати, незначительно и ненадолго: освободившиеся, за малым закономерным исключением, либо в свободный мир переезжали, либо в иной; опубликованные, кроме немногих, оказались присутствовавшими и в старом

Цюрихе. Бабури-то — в посольстве. Стерлигов — на даче, Анпилов — тоже не в больнице. Проханов в большем порядке. Жириновский — в дубленке, Невзоров — в коже. Лимонов присутствовал на номинации претендентов на Букеровскую литературную премию, вполне мирно, без пулемета, как все равно не сербский защитник, не Вайрон, а другой...

Все это уже было, господа, товарищи и братцы. Присяжные поверенные в галстучках, графы игнатьевы в несменяемых мундирах и графы толстые в обновляющихся поместьях — а простые-то, о которых вся забота, всегда с расквашенной мордой, нищие, драные, обдуренные, замороченные, расстрелянные и расстреливавшие, уморенные голодом, вовлеченные в грабеж, порушившие церкву, проповорвшие попу брохю, загубившие души свои и страну...

интеллигенции. Что же это? Суицидная склонность целой мировой социальной группы? Не думаю... Скорее легкомыслие и уверенность, чудовищно циничская, что «до нас не дойдет». Невысокого, выходит, я мнения об этой категории людей? Да. Сами напросились. Потому что опять голосят: за равенство и братство, за национальную государственность и либеральные ценности — на бой кровавый, святой и правый, марш, марш вперед, рабочий народ...

Хватит понукать. О душе подумайте.

Впрочем, отчасти это относится и к тем, кто требует вышеописанных немедленно посадить в тюрьму, кто пред лицом власти теряет себя в крике — обуздайте, накажите, повяжите всех, кто нашему новому благоденствию угрожает! Обуздайте, ваше президентское величество, а уж мы не выдадим... Сбор и представление есаулов и старшин московской интеллектуальной элиты августейшему государю. Картина трогательная, но прогнивая. Хотя... понять можно. И если уж выбирать, то эту все же сторону, а не противоположную...

Между тем в непосредственной профессиональной деятельности сегодня ни те, ни другие не участвуют, а выходит на край подмостков, к самой рампе, «третья сила», не лучше, боюсь, первых двух.

ТОЛЬКО эта «третья сила» и продолжает заниматься сегодня делом. То есть: пишет, сочиняет, рисует, ваяет и ставит. Романы, стихи, полотна, спектакли и киноленты.

Казалось бы, на что сетовать? Чистое искусство, способ познать себя... Однако почему-то так выходит, что прорвались те, и только те, кто познает себя исключительно с заднего, не то что непарадного, но просто заросшего грязью крыльца. Прочие же, сочиняющие прозу и поэзию с надеждой, ставящие на сцене и перед камерой не безнадегу, уходят все дальше на периферию, отчасти естественным, а отчасти и организованным образом лишаясь и аудитории, и критики, и заказов, и гонораров. Так что никакого дуализма не получается, и если проклятая, греховная сущность человека находит более или менее (сейчас пишут «более-менее») адекватное отражение, то его же, человеческое, Богоподобие, тяга к лучшему и проявление этой тяги оставляются массовой культуре и заслуживают лишь кривой иронической усмешки... Чаше же и ее не удостоиваются, будто вообще не существуют. Двусмысленные мужички, сомнительные красавицы, несомненные идиоты, уроды, перверты и монстры приобретают единственно полноценные права персонажей отечественной культуры, все же прочие отступают, словно майоры проины, под натиском новых кавалеров Золотой Звезды.

Увы, писать об этом, о собственно профессиональной ситуации, скучнее всего. Тут ведь то же самое, что и везде, только не так внятно. Из любой свободы на первые роли всегда выдвигается тот, кто наиболее готов эту свободу использовать для новой несвободе. Из февраля семнадцатого — октябрь, из «ста цветов» — «культурная революция», из нового искусства — пролеткульт, из анархии — атаман.

Ладно, Господь уберезет. Собственно, на что остается уповать? Сестя за стол, начать очередную сказку о торжестве добра над злом — для утешения простых душ и заклинания реального будущего... «Мы не врачи, мы — боль». Так ли? Может, обычные больные, как и все прочие в палате. Или, допустим, не боль, а болезнь...

Фото Александра КАРЗАНОВА

228